

Александр Чаянов.

**История парикмахерской куклы,
или
Последняя любовь московского архитектора М.**

**романтическая повесть написанная ботаником Х
и иллюстрированная антропологом А.**

Этот файл с сайта "Кооперативное движение Дальнего Востока России"
<http://fecoopa.narod.ru/chayanov/kukla.html>
Судя по дефектам правки - не оригинал.
Редирект: В. Есаулов, июль 2004 г.

I. ПРОЛОГ

**Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора
А. Пушкин**

Московский архитектор М., строитель одного из наиболее посещаемых московских кафе, известный в московских кругах более всего событиями своей личной жизни в стиле мемуаров Казановы, - однажды, проходя мимо кофейной Тверского бульвара, почувствовал, что он уже стар.

Кофейная, некогда претворенная в одной из картин Юона, вечерняя фланирующая толпа и желтые ленты московских осенних бульваров, обычно столь радостные и бодрые, погасли в его душе. Осенняя сутолока города, автомобили Страстной площади, трамвайные звонки, вереницы проституток и мальчишки, продающие цветы, оставляли его безучастным.

Все замыслы, только что волновавшие его сердце, показались ему банальными, утомительно повторенными сотни раз, и даже вечерняя встреча, которой он добивался столько месяцев и которая должна была составить новое крупное событие в анналах его жизни, вдруг показалась ненужной и нудной... Одни только осенние листья, падающие с деревьев и ложившиеся под ноги вечерних прохожих, глубоко проникали в его душу какой-то горестной печалью.

Он постоял минутку в нерешительности, машинально купил вечернюю газету, затем быстрыми шагами повернул на Тверскую и, дойдя до цветочного магазина Степанова и Крутова, послал огромный букет багряных роз той, чье сегодняшнее падение должно было вплести новые лавры в венок московского Казановы.

Ему не хотелось возвращаться домой, не хотелось снова видеть кресла красного дерева, елисаветинский диван, с которым связано столько имен и подвигов любви, ставших теперь ненужными; гобеленов, эротических рисунков уже безумного Врубеля, с таким восторгом купленных когда-то, фарфора и новгородских икон, словом, всего, что радовало и согревало жизнь.

Владимиру, его звали так, захотелось раствориться в кипящем котле жизни великого города. Он спустился на Петровку и привычными шагами, не отдавая себе отчета, зашел в маленькое артистическое кафе, кивнул знакомой барышне и спросил себе черного кофе с ватрушкой.

Кругом за столиками и в проходах толкались десятки знакомых лиц в смокингах, шелковых платьях, бархатных куртках и демократических пиджаках. Ему улыбались, но он, может быть, в первый раз оставался безучастным и, машинально слушая звуки скрипок, смешанные со звоном посуды, был захвачен потоком своих мыслей.

Двигающиеся перед ним люди казались ему картонными и давили его мозг безысходной тоской, и когда на эстраде появился изящный конферансье, с трудом установивший тишину и объявивший начало конкурсу поэтесс, Владимир не мог более сдержаться и вышел из яркого кафе в темноту московских улиц.

Город с его ночной жизнью, ночные прохожие, полуосвещенные окна, огни притонов и четкий в ночной тишине стук копыт запоздалого извозчика душили Владимира своей известностью, своей до конца испитой знакомостью. Он окидывал тоскующим взором знакомые контуры ночных улиц столицы и, решившись испытать последнее средство против душившей его меланхолии, спустился к Трубной площади и в одном из переулков нашел знакомый ему китайский притон опиоманов.

Однако через несколько минут он уже бежал оттуда, еще более гонимый тоской.

"Извозчик, на Казанский!" - крикнул Владимир, вскакивая в пролетку.

После второго звонка он подбежал к билетной кассе, и в 12.10 ночной поезд унес его в Коломну. Владимир искал в провинциальной глуши собраться с мыслями.

II. КОЛОМНА

**"А с того времени в оном никаких достойных
примечания происшествий не случилось".**